

А. П. САВИН
«И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ...»

Анатолий Петрович Савин

22 июля 1941 года, ровно месяц с начала Великой Отечественной, я после окончания 9-го класса средней школы г. Каширы Московской области добровольно вступил в ряды московского народного ополчения в составе каширского батальона. Контингент по возрасту был от 17 до 50 лет.

Под Москвой, недалеко от ст. Коломенская, был создан лагерь новобранцев. Разбили нас по взводам и отделениям, после чего временно назначены были командиры из старших по возрасту лиц (бывших солдат). Выдали обмундирование, предназначен для ремесленных училищ, ботинки ни не по размеру и без портянок, телогрейки.

Так я, самый младший из семьи, опередив отца и старшего брата, в 16 лет ушел защищать Родину.

Первой задачей, поставленной перед ополчением, было строительство противотанкового рва в районе шоссе Москва—Минск.

Работа велась под постоянным обстрелом и бомбежкой немецкими самолетами. Параллельно мы проходили начальную подготовку молодого бойца. Вскоре нас перебросили в район Смоленской области под Ельню. Прибыло к нам молодое пополнение командирского состава, которое заменило временно назначенных. Они прибыли в военной форме младших лейтенантов, лет 20—22. Наш 3-й батальон вошел в состав 31-го стрелкового полка действующей армии.

В конце октября пришел приказ об организации при батальоне истребительной команды в количестве 30 человек по борьбе с танками противника. В команду зачислили только добровольцев, в их число вошел и я. Прибыл командир батальона, осмотрел наше войско, представил командира младшего лейтенанта Яшина. Я в команде оказался самым молодым, мне шел 17 год, и он обратился ко мне с вопросом, представляю ли я, чем придется заниматься. Я ответил, что надо уничтожать танки противника, на что он сказал: «Будет трудно — возьму к себе связным». Больше я его не видел. С этого дня началась серьезная подготовка, нас освободили от работ во рву,

научили рыть специальные окопы, пользоваться бутылками с горючей жидкостью, изучали мы и боевое оружие. Команде было придано: противотанковое ружье, ручной пулемет, на каждого по винтовке с 2 пачками патронов и ящики с горючей смесью. Поступил приказ, разрешающий вести групповую стрельбу из винтовок и пулемета по самолетам противника. После этого участились случаи бомбежек нашего расположения, появились первые убитые и раненые.

В середине октября, рано утром, прибыл приказ выдвинуть команду вперед, на уничтожение прорвавшихся немецких танков. Подъехала грузовая машина, груженная бутылками с горючей смесью, и весь личный состав выехал на выполнение приказа.

Меня и еще одного бойца с ручным пулеметом, командир оставил для охраны боевой точки. С рассветом гул техники продвигался все ближе. Наша боевая точка размещалась на опушке леса, метрах в 200 от деревни Тарьково, что недалеко от автомагистрали Москва— Минск. Появились немецкие самолеты на бреющем полете, мы открыли по ним пулеметный огонь. Самолеты развернулись и улетели. Мы радовались своим успехам, но наша радость была недолгой. Вскоре появилась эскадрилья бомбардировщиков и началась бомбежка наших окопов. Взрывом была вырвана с корнями огромная сосна и накрыла наш окоп.

Вскоре прибыл связной из соседней роты с донесением штаба, который размещался в деревне Тарьково, но самого штаба уже не было. От связного мы узнали о судьбе нашей команды. Снарядом разбило нашу машину, и она сгорела, младший лейтенант Яшин убит, погибло много людей из состава команды.

Лавина бронетехники надвигалась на деревню. Не имея сил и средств для их отражения, мы затаились в окопе. Немцы обстреляли опушку леса и ворвались в деревню. Дождавшись темноты, мы углубились в лес. Вскоре нам удалось присоединиться к одной из рот нашего батальона. Так мы узнали, что немцы продвинулись вглубь, а мы находимся в полукольце. Продвигались по лесу в основном ночью, Продукты кончились. Учитывая мой возраст (в начале ноября мне исполнилось 17 лет) и гражданское обмундирование, меня стали посылать в деревню на разведку: можно ли добыть продуктов. Если в деревне немцев не было, присылали людей за съестным. Колхозники никогда не отказывали, помогали чем могли.

В один из дней, когда я зашел в деревню, нагрянули немцы. В доме кроме меня находилось несколько солдат из других частей. Все были без оружия. Нас арестовали и увезли в лагерь для военнопленных г. Рославль Смоленской области, где мне пришлось познать плен.

Согнали всех в здание автобазы, там оказалось множество людей, спали стоя; так было теплее. Два дня я пробыл в Рославле. Но вот как-то утром мы с Петром Беляниным, увидев построение колонны пленных на выход из лагеря, сумели вклиниться в ее ряды и таким образом покинуть это страшное место. Колонна двигалась в направлении Смоленска и растянулась на большое расстояние. Очень много было раненых, больных людей— двигались

медленно. Тех, кто не мог двигаться, расстреливали. Конвой был пьян. Один из конвоиров громко крикнул: «Привал». Пленные кинулись на обочину дороги, чтоб разжечь костер немцы открыли огонь и расстреливали тех, кто чуть дальше других отошел от шоссе. Мы с Петром решили бежать. Выбрали место, где конвой находился друг от друга на большом расстоянии — на повороте шоссе на дороге, перешли через кювет и пошли навстречу колонне. На обочине дороги было много людей из деревни, но близко подходить боялись, смотрели, нет ли среди пленных их односельчан. Когда мы поровнялись с конвоем, немец закричал на нас, чтоб мы отошли дальше от колонны, так как пленные спрашивали нас, далеко ли до Смоленска. Немец принял нас за ребят из деревни.

На всю жизнь я запомнил самодовольные лица фашистов; жестокость с какой они обращались с нашими ранеными бойцами, равнодушие, даже улыбки, когда они стреляли в больных людей.

Удалившись от колонны, мы двинулись в путь к своим. Продвигались по Смоленской земле через Дорогобуж, Юхнов, Ельню и в конце ноября под Калугой удалось выйти из окружения. Это была репетиция перед призывом в армию. Командир части, с которым нам удалось выйти из окружения, дал нам совет возвращаться в райвоенкомат по месту жительства: «Еще успеете, навоюетесь». Документов у нас не было, кроме жетона с адресом на случай смерти.

В 1942 году я был призван в Советскую Армию в 47-й отдельный механизированный железнодорожный батальон. Принял военную присягу, получил военное обмундирование. Меня зачислили в состав технической разведки минерами, где научился обращаться с взрывчатыми веществами, пользоваться миноискателем, при обнаружении мин обезвреживать их, Главной задачей технической разведки была проверка технического состояния железнодорожных сооружений (мостов, тоннелей, трубопроводов и т. п.) выявления мест установки различных взрывных устройств (мин — противотанковых, прыгающих, противопехотных; зарядов ВВ замедленного действия с часовым механизмом; «сюрпризов» — толовых шашек со взрывателем, разукрашенных под сувенир. в виде безделушки). После обезвреживания взрывных устройств оставлялась табличка «разминировано», о результате проведенной разведки срочно направлялось донесение в штаб батальона. Техническая разведка состояла из начальника — капитана Василия Марлухина, ст. группы железнодорожных сооружений и группы железнодорожных путей лейтенантов Сергея Иванова и Николая Никонова, старшины разведки — армянина Инанца (остальное забыл) и ст. минера — ст. сержанта Алексея Матюшева. Часто был вместе с нами заместитель командира батальона по политчасти ст. лейтенант Дубченко К. М. На период выполнения очередных заданий дополнительно придавалось два отделения боевого охранения.

На вооружении технической разведки были автоматы ППШ, миноискатели, металлические щупы, гранаты, по два запасных диска для автомата и ножи. Разведка постоянно следовала за наступающей пехотой; а

местами и впереди, так как мы двигались только по железнодорожному полотну. Основной задачей подвижного состава 47-го отдельного батальона; которым командовал полковник Игнатов, было быстрейшее восстановление разрушенных путей и сооружений, чтобы пропустить составы к фронту. Занимались мы и строительством узкоколеек в разных направлениях, столь необходимых для переброски техники и людей. Когда на фронте наступало временное затишье, состав технической разведки активно включался в помощь бригадам по очистке железнодорожных путей от завалов, оставшихся после взрыва. С помощью трофейных взрывных запасов (различных мин, толовых шашек, бикфордовых шнуров) мы расчищали путь и помогали восстанавливать временные сооружения. Железная дорога уже оживала, по ней шли составы для обеспечения войск боеприпасами и питанием — необходимыми для победы грузами.

Совместно с воинами-железнодорожниками в восстановительных работах участвовали специалисты, мастера своего дела. После восстановления участка дороги они давали «добро» на ее открытие.

При отступлении фашисты старались не то чтобы разрушить, а просто уничтожить железнодорожное полотно. Для этого они использовали специальное приспособление «паук», который буксировали два паровоза: в результате рельсы гнулись в кольца, а шпалы перерезались пополам. Эти участки было очень трудно, восстанавливать. Поэтому мы сами принимали все меры по уничтожению пути впереди движения этих паровозов и самого «паука».

При обследовании различных уцелевших сооружений часто приходилось быть впереди пехоты, когда железные дороги уходили в глубь лесного массива и в сторону от шоссежных дорог.

Мы продвигались параллельно с наступающими войсками и были очень рады, когда на нашем пути попадались станции, деревни, разъезды, где встречали нас измученные немецкой оккупацией люди. С криком радости «Наши!», они бежали к нам со слезами на глазах. Обнимали и целовали нас. Выражение искренней радости прибавляло нам силы, укрепляло уверенность в нашей победе. Ведь наше дело было правое.

С наступлением серьезного перелома на всех фронтах немцы стали усовершенствовать свои взрывные устройства: в тылу Советской Армии появились противотанковые мины с двойным действием центрального взрывателя, увеличилось количество взрывателей боковых, соединенных с соседней линией. Это было направлено на поражение пехоты и минеров. Когда в батальонах бригады участились случаи гибели минеров, были организованы инструктивные занятия. На этих занятиях первая группа была выведена из строя: мина взорвалась в руках инструктора. Центральный взрыватель был двойного действия: срабатывал и при нажатии, и при вывертывании его из корпуса. Немедленно было запрещено разминирование мин вручную — только подвесным зарядом или с помощью «кошки»; укрывшись в окопе.

Силами технической разведки на разных фронтах (1-м и 2-м Прибалтийском, 3-м Белорусском, 2-м Дальневосточном) обезврежена не одна

сотня различных взрывных устройств, спасено множество различных железнодорожных сооружений.

Война с фашистской Германией закончилась для нас после освобождения и разминирования Кенигсберга. Вскоре мы уже были в вагонах товарного поезда, но узнали нескоро, куда держит путь наш состав: мы направлялись на Дальний Восток.

В апреле 1945 года мы прибыли под Хабаровск и расположились на левом берегу реки Амур, здесь нам и довелось узнать о капитуляции фашистов и встретить День Победы 9 мая 1945 года.

4 августа нас перебросили в Благовещенск, а 9 августа мы форсировали Амур и вступили в сражение с Квантунской армией, освободили Сахалин и Харбин, познакомились с японскими смертниками, Пришлось принимать участие в приеме капитуляции японской армии в районе Харбина. 3 сентября 1945 года отметили победу над Японией. Так и для нас наконец-то закончилась Великая Отечественная война.

Дружный наш коллектив стал распадаться с большой радостью. В первую очередь уезжали домой люди старших возрастов и солдаты кадровой службы, которые ждали демобилизацию еще в 1941 году. Мы расставались со слезами на глазах, за эти годы многое нае сблизило и сроднило. У каждого остались яркие воспоминания о пережитых днях. Простые фотографии, сделанные в короткие минуты отдыха, могли о многом рассказать тем, кто был на фронте. С кем-то мы успели обменяться адресами, только все чаще стала почта возвращать конверты с лаконичной припиской «Адресат умер». Свой вклад в Победу над фашизмом в Великой Отечественной войне каждый из них внес.